

Величко С.А. ОТНОШЕНИЕ К СУИЦИДУ В АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АУТОАГРЕССИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Античную цивилизацию, продолжающую поражать человечество благородным величием своих храмов, совершенной красотой статуй, прозорливой мудростью мыслителей, как ни странно, волне можно назвать цивилизацией парадоксов. В этой цивилизации соседствовали воспевание величия человечества вообще и практика каждодневного унижения достоинства отдельного человека, что проявлялось в институте рабства; возвеличивание духовной красоты человека и постоянное стремление к вытеснению за пределы полиса, а под час и просто к уничтожению, образцов этой красоты, примером тому может служить, печальная участь таких великих людей как Фемистокл и Сократ. Рациональный, фактически протонаучный взгляд на мир, не мешал существованию диких, а под час и страшных суеверий, пережитков первобытной эпохи (например, вера в пробуждение мертвых на третий день Праздника Цветов, периодически практиковавшееся человеческое жертвоприношение и т. д.).

Отношение к добровольному уходу не стало исключением из этого парадоксально - противоречивого ряда. С одной стороны, в истории греко - римского мира мы встречаем как многочисленные примеры добровольного ухода из жизни, так и первые теоретические обоснования этого шага. С другой стороны, в античной цивилизации существовала и целая система запретов суицида, носящая, как юридический, так и религиозно-нравственный характер.

Цель данного исследования: на основе изучения отношений, как греческого социума, так и греческой философской мысли к проблеме самоубийства, выявить степень влияния социальных реалий на изменение общественного отношения к проблеме суицида.

Актуальность проблемы: в современном сознании самоубийство продолжает оставаться загадкой, решения которой, возможно так никогда так и не будет найдено. Ни религия, ни философия, ни медицина, так до сих пор и не дали ответа, почему люди выбирают добровольный уход из жизни. Возможно, не знают этого и сами самоубийцы. Вопрос, откуда в душе человека появляется та зияющая чернота, та червоточина в его сознании, которая заставляет его делать столь разрушительный шаг, до настоящего времени остается без ответа. Поэтому не удивителен и напряженный интерес общества к этой теме, так ярко демонстрирующей всю абсурдную иррациональность глубин человеческого «Я».

Исследованием данной проблемы в различное время занимались такие философы как Артур Шопенгауэр, Николай Бердяев, Карл Ясперс, социологи- Эмиль Дюркгейм и Питирим Сорокин; психологи - З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Меннингер, Р. Мэй и многие другие. Художественная литература также не обошла вниманием проблему суицида. Тему добровольного ухода затрагивали и великий Гете в своем романе «Письма бедного Вертера» и Лев Николаевич Толстой в романе «Анна Каренина». Федор Михайлович Достоевский и Шарль Бодлер, Антон Павлович Чехов и Герман Мелвилл, Александр Куприн и Ги де Мопассан, так же в своих произведениях делали попытку вскрыть побудительные причины самоубийства.

Интерес к этому явлению присущ не только современному обществу. Пожалуй, трудно найти такую культуру, в которой бы проблема добровольного ухода из жизни не была бы в той или иной степени поднята. Однако эта статья посвящена проблеме отношения к суициду только античной цивилизации. Это объясняется двумя причинами: во-первых, высокой степенью влияния идей, разработанных греческой философской мыслью, на развитие основополагающих принципов европейской культуры, а во-вторых, широким спектром разнообразных взглядов греческих мыслителей на данную проблему.

Степень влияния общественно – экономических кризисов на рост числа добровольных уходов (или актов аутоагрессии), исследуется учеными довольно давно, еще в конце 19 века французский социолог Эмиль Дюркгейм в своей работе «Социологический этюд», обратил внимание на это явление. В своем исследовании, как уже говорилось выше, я хочу рассмотреть проблему влияния социальных процессов на изменение общественного отношения к такому явлению, как добровольный уход. Помимо этого в поле моего исследования находится и проблема влияния общественных катаклизмов на зарождение аутоагрессивной идеологии, то есть на развитие процесса обоснования идеи самоубийства в рамках греческой философской мысли.

Сергей Сергеевич Аверинцев в своей монографии « Поэтика ранневизантийской литературы» охарактеризовал античную цивилизацию, как мир «смеющихся богов и убивающих себя мудрецов» [1, 74]. Действительно, античность подарила миру, как значительное число мыслителей, обосновывающих, а под час и воспевающих идею добровольного ухода, так и многочисленную когорту практиков, «успешно» воплощавших эту идею. Уже в греческой мифологии, задолго до появления первых теоретических обоснований суицида, многие смертные персонажи, так называемого «героического века», предпочитали заканчивать свою жизнь самоубийством. Причем такой конец выбирают, как малозначительные действующие лица, так и великие герои.

Самоубийством закончили свою жизнь потомки легендарного основателя города Фивы Кадма, по линии его третьей дочери Агвы - Менекей и Гемон [2, с. 264]. Вторая дочь этого же героя Ино, вследствие насланного на нее богиней Герой безумия, бросается с ребенком в море [2, с. 264]. Самоубийством кончат жизнь Иокаста, после того как узнает, что вследствие неведения, вышла замуж за своего потерянного сына Эдипа, бывшего к тому же убийцей ее первого мужа (и своего отца) Лая. Дочь Иокасты и Эдипа Антигона, так же добровольно уходит из жизни.

Величайший из героев Эллады – Геракл, подвиги которого многократно были воспеты, как древнегреческой поэзией, так и драматургией, и повторить которые мечтал, каждый греческий мальчишка, также добровольно расстается с жизнью. Случайно отравленный своей женой (так же впоследствии добровольно

ОТНОШЕНИЕ К СУИЦИДУ В АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АУТОАГРЕССИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

расставшейся с жизнью), пропитавшей его одежду ядовитой кровью кентавра Несса, не в силах терпеть ужасные муки, Геракл взобрался на костер, разложенный на костре Эте, чтобы в его огне покончить с пожирающим его внутренним жаром [2, с. 247].

Даже гибель «героического века» в огне, бессмысленной, но кровавой и многолетней Троянской войны по своей, подчас ясно осмысливаемой саморазрушительности, во многом напоминает **суицидальный акт**. Даже многие из ее непосредственных участников (вспомним хотя бы отношение к началу войны Одиссея) поразились той ничтожности цели, ради достижения которой война была начата, и теми беспримерными усилиями, которые предпринимались для ее достижения.

Как видно из всего вышеизложенного, основной причиной самоубийств многих персонажей «героического периода» было, по мнению их современников, божественное наказание. Однако необходимо сразу отметить тот факт, что значительная часть суицидальных актов, о которых говорилось выше, приходилось на время сильных социальных катаклизмов, сопровождавших закат «героического времени».

Кроме вышеуказанного, необходимо отметить и еще ряд важных моментов. Как можно увидеть из многочисленных мифологических примеров, общественное отношение к самоубийству в «героическом периоде», было скорее нейтральным или умеренно благожелательным, чем негативным. Не предусматривалось для самоубийц и никакого посмертного наказания, это притом, что наказания за при жизни совершенные преступления, в мире Аида использовались довольно широко (вспомним хотя бы танталовы муки). Возможно, что такое спокойное отношение к проблеме суицида, во многом объяснялось спокойным отношением к проблеме смерти вообще. Смертные герои Мифологического периода, были молодыми людьми молодого мира, поэтому их страшила не столько собственная смерть (в отличие от нас, они точно знали, что будет с ними после), сколько явления, присущие старости: слабость, беспомощность и т. д. Гибель героя не воспринималась, как трагедия. Аверинцев С. С. пишет по этому поводу следующее: «... гибель героя без остатка входит в баланс его победной судьбы, и поэтому о погибших героях не следует всерьез жалеть» [1, с. 68]. Гомер в свою очередь, замечает следующее:

Им для того ниспослали и смерть и погибельный жребий

Боги, чтоб славною песнею были они для потомков [1, с. 68].

Список «великих» самоубийц последующих периодов греческой истории столь же впечатляющ, как и перечень «Героического века». Так, знаменитый философ Эмпедокл из Агриента, по одной из версий его жизнеописания, закончил свою жизнь, бросившись в жерло вулкана Этна. Добровольно ушел из жизни герой Саламинского сражения Фемистокл. Знаменитый философ Диоген из Синопы также покончил жизнь самоубийством. Согласно легенде он сам, усилем воли, остановил свое дыхание [3, с. 99]. Даже смерть Сократа, (с юридической точки зрения он был казнен) сильно напоминает именно суицидальный акт (имея возможность спастись, покинув родину, он все же предпочел остаться). Аверинцев С. С. смерть Сократа назвал, подобием самоубийства героев [1, с. 72].

Этот список великих самоубийц античности можно продолжать еще очень долго. С каждым новым веком, приближавшим конец античной эпохи все больше, как простых, так и великих людей, будут предпочитать добровольно уходить из жизни. И все это притом, что в Греческих полисах архаического и классического периодов (в отличие от «героического века»), отношение к самоубийцам было подчеркнуто отрицательным. Самоубийство считалось состоянием экстремальной нечистоты [3, с. 88]. Суицид был запрещен законами полиса. «Предписывалось даже уничтожить, либо удалить за пределы города веревку и сук, на которых повесился самоубийца» [3, с. 101]. Самоубийца становился личностью вне времени, вне памяти, для него не приносились жертвы [3, с. 88]. Появилась идея и о посмертном наказании для самоубийцы [3, с. 88]. Во многом такое отношение объяснялось тем фактом, что в маленьких государствах полисах, был на счету каждый гражданин и его с потерей нарушался ритм жизни города, ставилась под сомнение его безопасность [3; с. 90].

Изменившееся отношение к смерти вообще, так же в свою очередь должно было оказать влияние на изменение отношения к проблеме добровольного ухода. Если, как уже упоминалось выше, отношение к смерти в героический период, было в целом спокойным, а подчас и благожелательным (Медея говорит смерти: «Ты смерть, развяжи мне жизни узлы...» [4, с. 369]), то в классической Греции смерть воспринималась уже, как явление крайне негативное, ожидаемое с грустью, а подчас уже и со страхом. Так Анакреонт писал:

Тартар тени ждет моей.

Не воскреснем из - под спуда.

Всяк навеки там забыт... [5, с. 121].

Софокл ему вторил: «И храбрецы пытаются бежать, когда Аид к их жизни подступает» [6, с. 336].

Однако когда мы говорим о проблеме отношения к суициду в Античной Греции, то видим, что самое важное в этой проблематике, не перечень великих самоубийц, не особенности полисного отношения к этому явлению, а тот факт, что феномен самоубийства (как и проблема смерти вообще) начал активно осмысливаться, греческой философской мыслью.

Зародившаяся в конце 7 века до н. э., как принципиально новый способ осмысления действительности, греческая философия вскоре обратила серьезное внимание на это явление, которое своей иррациональной необъяснимостью, казалось, противоречило глубинным основаниям античной культуры. Единого взгляда на проблему самоубийства, греческая мысль так и не выработала. Среди античных философов, в зависимости их взглядов на проблему суицида, можно выделить несколько групп. Такие философы как Пифагор и Аристотель к феномену самоубийства относились однозначно отрицательно. Терпимо, даже благожелательно, к добровольному уходу относились Сократ и Платон. Мыслители, принадлежавшие к таким, популярным на закате античности, философским направлениям, как, эпикурейцы, стоики и киники

(Эпикур, Диоген Синопский, Гегесий, Сенека), не только положительно относились к суициду, они буквально превозносили, воспевали добровольный уход из жизни, как акт освобождения, от оков действительности, как проявление человеческой свободы.

Пифагор Самосский, возможно первым обративший внимание на проблему суицида, к идее допустимости самоубийства относился подчеркнуто отрицательно [7, с. 11]. В его понимании суицид был мятежом против установленной богами почти математической дисциплины окружающего мира, внесением в него диссонанса и нарушением симметрии [7, с. 11]. В знаменитых «Золотых стихах» Пифагора, которые каждый пифагорец, должен был повторять несколько раз в день, есть следующие строки:

**Помни: за прибылью вслед и утрата преидет, а людские
Судьбы страданье в себя заключают, ведомые роком.
Так не ропщи же, богов повеленьям внимая покорно,
Духом воспрянь, исцелись от хандры, говоря себе вот что:
Чистым душою Судьба не дарует страданий сверх меры [8, с. 346].**

И ниже:

Не навреди себе сам: что затеял да будет разумным [8, с. 347].

В первом из отрывков Пифагор ставит под сомнение одно из главных оснований для самоубийства – жизненные превратности и страдания. Во втором прямо говорит о недопустимости причинения себе вреда.

Такое отрицательное отношение, кроме всего вышесказанного, объяснялось еще и тем, что 6 и первая половина 5 веков до н. э. были временем относительной стабильности греческой полисной цивилизации. В городах – государствах уже активно шла борьба за власть, между сторонниками олигархической системы управления и демократами. Однако эта борьба еще не приняла тот разрушительный характер, который она обретет впоследствии. И в учении пифагорейцев, игравших видную роль в социальной жизни того времени, нашло отражение именно полисное отношение к суициду.

В отличие от эпохи Пифагора, время в котором жили и творили Сократ и Платон никак нельзя назвать стабильным. Они жили в период войн и социальных неурядиц, не имевших аналогов в истории «Классической Греции». На время жизни Сократа пришелся, как период наибольшего величия афинского государства, так и момент падения его могущества. Когда Сократ был уже пожилым человеком, а Платон подростком, крах полисной жизни в Афинах, их родном городе, привел сначала к тирании, а потом к победе демократических сил. В период юности Платона Афины вели смертельную борьбу со Спартой, главным городом – государством Пелопоннесского союза. Эта так называемая Пелопоннесская война длилась с перерывами двадцать восемь лет. Война привела к распространению чудовищных эпидемий. В ее последний год начался голод, пали Афины и началась гражданская война, в результате которой к власти пришел террористический режим, называемый обычно правлением Тридцати тиранов. Двое из этих тиранов были ближайшими родственниками Платона, и оба они погибли, безуспешно пытаясь спасти установленный ими режим. Возвращение к власти демократов не принесло Платону облегчения. Сократ его любимый учитель, по очень странному обвинению, предстал перед судом и был казнен. Возможно, что и жизнь самого Платона находилась в опасности, так как после смерти Сократа он надолго покинул Афины.

Из этого краткого описания общественных реалий времени Сократа и Платона видно, насколько они отличны от социальной действительности, в которой жил Пифагор.

Отношение к проблеме суицида Пифагора, с одной стороны, и Сократа и Платона, с другой, были отличны в той же степени, как и социальные условия, в которых они жили. В диалоге «Федон», в котором Платон, излагая представления Сократа о проблеме ухода, создает, возможно, первое в античной философии учение о смерти, которое охватывало практически все аспекты этого явления, значительное внимание уделено и проблеме суицида.

В отличие от Пифагора, для которого, как уже говорилось выше, суицид был однозначно негативным явлением, отношение Сократа к проблеме добровольного ухода, было более сложным. С одной стороны в диалоге неоднократно говорится о предпочтительности смерти перед жизнью, некоторые высказывания этого произведения, можно без преувеличения назвать гимном смерти: «... истинные философы много думают о смерти, и никто на свете не боится ее меньше чем эти люди. Суди сам. Если они непрестанно враждуют со своим телом и хотят освободить от него душу, а когда это произойдет, трусят и досадуют,- ведь это же чистейшая бессмыслица! Как не испытывать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь,- любил же ты разумение,- и избавиться от давнего своего врага» [9, 19]. И еще: « А очищение - не в том ли оно состоит (как говорилось прежде), чтобы как можно тщательнее отрешать душу от тела, приучать собираться из всех его частей, сосредотачиваться самой по себе и жить, насколько возможно,- и сейчас и в будущем – наедине с собою, освободившись от тела, как от оков?... Но это как раз и называется смертью ...» [9, с. 18].

От этих высказываний казалось бы всего один шаг, до прямого призыва к добровольному уходу, но Сократ его не делает, более того он даже накладывает на самоубийство вето : «...о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди,- часть божественного достояния...

- Но если бы кто –нибудь из тебе принадлежащих убил себя, не справившись предварительно, угодна ли его смерть, ты бы, верно, и наказал бы его, будь это в твоей власти?...

- А тогда, пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока бог каким –нибудь образом его к этому не принудит...» [9, с. 12].

Однако, даже осуждая самоубийство, Сократ все же оставляет несколько лазеек для тех, кто выбирает добровольный уход. Об одной из них говорится в окончании его последней фразы: «... пока бог каким –ни будь образом его к этому не принудит...» [9, с. 12]. То есть добровольная смерть может быть позволенной, если ее необходимость указана всевидящими богами. Кроме вышеуказанного Сократу принадлежит еще одна фраза, частично оправдывающая самоубийцу: «Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них – о тех, кому лучше умереть, – ты будешь озадачен, почему считается

ОТНОШЕНИЕ К СУИЦИДУ В АНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АУТОАГРЕССИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их облагодетельствует кто то другой» [9, с. 12]. То есть, по мнению Сократа, подчас сама жизнь дает достаточное основание для добровольного ухода.

Это, даже ограниченное, признание права на добровольный уход оказало огромное влияние на последующее отношение античной философской мысли к проблеме суицида. Уже последователь ученика Сократа Аристиппа Киренского Гегесий, из сократического учения сделал четкие выводы: цель жизни - свобода от страдания, а наиболее полную свободу от страдания дает смерть. Рассказывают, что слушатели лекций Гегесия так спешили осуществить его учение на практике, что его лекции были прекращены по приказу Птолемея Филадельфа [1, с. 72].

Накануне окончательного заката греческой полисной цивилизации, нашелся однако еще один философ, однозначно осудивший практику самоубийства. Аристотель великий ученик Платона, один из последних теоретиков полисной системы управления, считал, что смерть приходит в положенный час, самоубийство же признак трусости и малодушия, даже если она спасает от бедности, безответной любви, телесного или душевного недуга [7, с. 11]. В «Никомаховой этике» он утверждает, что, убивая себя, человек преступает закон и поэтому виновен перед собой как афинский гражданин и перед государством, оскверненным пролитой кровью [7, с. 11]. Как видим и здесь осуждение добровольного ухода происходит именно с позиций полисного отношения к этому явлению.

В конце 4 века до н. э., вскоре после смерти Аристотеля, произошел окончательный закат греческой полисной цивилизации. После завоевательных походов Александр Македонского, и образования государств, во главе которых стояли его полководцы, греческие полисы стали периферией новой Эллинистической цивилизации. Некогда великие государства опустились до уровня, сопоставимого с уровнем современных государств третьего мира, но самое главное те нравы восточных деспотий, которые так любили критиковать греческие мыслители, стали характерными и для Средиземноморья. Если с армией Александра Македонского на восток проникла и греческая культура, то в Грецию в ответ проникли восточные особенности взаимоотношений человека и власти.

Мы восхищаемся мужественным поведением Сократа, сначала перед лицом судей, а затем и перед казнью, но не стоит забывать, что такое поведение во многом обусловлено спецификой отношения Афинского государства к обвиняемому. Сократ знал, что его речь в свою защиту не кем не будет прервана, что ни какое силовое воздействие, по отношению к нему не будет предпринято, а его казнь будет максимально безболезненной. Но Аверинцев С. С. справедливо заметил, что мужественным можно быть перед лицом казни, но не перед пыткой [1, с. 77], а греки, жившие всего столетием позже Сократа, находились в уже принципиально иной ситуации. Постепенно пытки, увечья и мучительные казни, стали в Греции обычным явлением. Уже Демосфен, современник Аристотеля, и бескомпромиссный противник Александра Македонского, выбирает самоубийство во многом потому, что альтернативой добровольному уходу были пытки и мучительная казнь.

В свете всего вышесказанного не вызывает особого удивления тот факт, что эллинистические философские школы - эпикурейцев и стоиков творившие уже в новых социальных реалиях, воспринимали суицид как явление не только возможное, но даже и желательное.

Эпикур и его последователи, полагая целью жизни получение удовольствий, считали суицид вполне допустимым средством для избежания страданий, в конце концов, по словам Эпикура – «... самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» [10, с. 433]. Эмиль Дюркгейм в своей работе «Самоубийство», отношение Эпикурейцев к самоубийству охарактеризовал следующим образом: «Эпикур не предписывал своим ученикам стремиться к смерти, он советовал им, наоборот, жить до тех пор, пока жизнь представляет для них какой ни будь интерес. Но, так как он чувствовал, что если у человека нет никакой другой цели, то каждую минуту он может потерять и ту, которая у него есть, и что чувственное удовольствие слишком тонкая нить, чтобы прочно привязать человека к жизни,- то он убеждал их быть всегда готовыми расстаться с нею по первому зову обстоятельств» [11, с. 245].

Стоики, озабоченные потерей контроля над своими эмоциями и жизнью, утверждали, что если обстоятельство делают жизнь невыносимой, то следует добровольно расстаться с ней [7, с. 12]. Впоследствии уже в период Ранней римской империи, именно авторы, работавшие в русле этих школ создадут учения, уже не только оправдывающие суицид, но прямо призывающие к нему.

Вывод: как видно из всего изложенного, определение греческой цивилизации, как «цивилизации убивающих себя мудрецов», не вполне соответствует действительности. В классический период, во время расцвета полисной системы, греческая философия в целом носила жизнеутверждающий характер. Изменение отношения к проблеме добровольного ухода, шло фактически параллельно с развитием кризисных явлений в полисной культуре. Если философы, творившие во время социальной стабильности (например, Пифагор и его ученики), к суициду относились отрицательно, то философы чья жизнь совпала с проявлением первых симптомов социального кризиса к проблеме самоубийства уже относились гораздо более лояльно. Пусть и со значительными оговорками, но ими признавалось право людей на добровольный уход из жизни. Философы, которые творили в конце 4 века до н. э., первой половине 3 века до н. э. (во время наибольшего развития кризиса греческой полисной цивилизации) в своих произведениях уже не только допускают возможность самоубийства, они начинают говорить о суициде как о шаге не просто возможном, но да же желательном, свидетельствующим о большом личном мужестве и духовной свободе человека этот шаг совершившего. В дальнейшем в период ранней Римской империи именно на основании этих идей будет окончательно сформулирована аутоагрессивная идеология. То есть изменения отношения к проблеме суицида. как в греческом социуме, так и в философской мысли, во многом было обусловлено кризисными

явленнями, характерними для греко-латинському обществу поздней античности.

Источники и литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Москва: CODA, 1997.
2. Тахо-Годи А. А. Греческая Мифология. – М. Искусство, 1989.
3. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен – Киев: Ника центр, 2003.
4. Еврипид. Медея. // Античная литература. Антология. Греция. – Т. 1.- М.: Высш. Шк., 1989.
5. Анакреонт. Поредели, побелели // Античная литература. Антология. Греция. – Т. 1.- М.: Высш. Шк., 1989.
6. Софокл. Антигона. // Античная литература. Антология. Греция. – Т. 1.- М.: Высш. Шк., 1989.
7. Суицидология прошлое и настоящее. М.: Когито – центр. 2001.
8. Пифагор. Золотой канон. Фигуры Эзотерики. – М. Эксмо, 2001.
9. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. – М.: Мысль. 1999.
10. Диоген Лаэртский. О жизни учениях и изречениях знаменитых философов. Книга X. Эпикур. – Москва.: Мысль, 1979 год.
11. Дюркгейм Эмиль. Самоубийство. // Суицидология прошлое и настоящее. – М.: Когито – центр. 2001.

Небилиця Н.В.

МЕНТАЛІТЕТ ЯК СВИТОГЛЯДНА ТА ТЕОРЕТИЧНА ПРОБЛЕМА

Дана стаття присвячена проблемі визначення поняття «менталітет».

Метою статті є дослідження менталітету як складного, багаторівневого та інтеграційного явища духовного буття людини, етносу, нації.

Поставлена мета передбачає різнобічний підхід до даної проблеми, який реалізується в такій послідовності завдань:

- 1) простежити історію появи даного терміну і введення його в науковий оборот;
- 2) розкрити головні риси менталітету;
- 3) розглянути різні підходи до тлумачення терміну «менталітет» (психологічний, антропологічний, філософський) ;
- 4) виявити співвідношення понять «менталітет» та «ментальність», «національний характер», «суспільна свідомість», «спосіб мислення».

Вивченням менталітету займаються відомі вчені зарубіжжя та України, серед яких: М. Блок, Л. Февр, Ле Гофф, М. Пруст, Ж. Дюбі, Л. Леві-Брюль, К. Леві-Строс, В. Вундт, Г. Г. Шпет, Г. Тріандіс, М. Хайдеггер, З. Фрейд, М. Бердяєв, П. Сорокін, М. Лоський, К. Кавелін, М. Трубецькой, П. Савицький, І. Пантін, А. Ахієзер, К. Абульханова, А. Брушлинський, Б. Гершунський, Л. Смирнов, І. Дубов, К. Кас'янова, М. Грушевський, Д. Чижевський, М. Костомаров, В. Липинський, І. Франко, В. Шинкарук, В. Кас'ян, М. Попович, В. Горський, А. Бичко, І. Бичко, В. Храмова, І. Старовойт, О. Киричук, Є. Бистрицький, О. Кульчицький, М. Шлемкевич, Ю. Канигін, І. Кресіна, Ю. Римаренко, Н. Тархова, В. Чмир та інші.

В даний час з поняттям «менталітет» зв'язується розуміння й оцінка різних процесів, що відбуваються в суспільстві.

Категорія «менталітет» веде своє походження від прикметника «mentalis», який з'явився в XIV столітті і позначав в середньовічній схоластиці приналежність розуму, розсуду, інтелекту. У науці поява терміна відбулася поступово з розмовної мови. Його почали використовувати етнологія, психологія, антропологія. Важливу роль у розробці даного поняття варто відвести французькій школі «Анналів». Саме французьким ученим М. Блоку і Л. Февру належить заслуга введення цієї категорії в науковий оборот. Вони й їхні учні розробляли її в рамках антропологічних досліджень і багато в чому сприяли тому, що поняття менталітету придбало статус загальнонаукового. Термін знайшов великий дослідницький потенціал, їм зацікавилися представники соціальних і гуманітарних наук, серед яких варто виділити насамперед лінгвістику, культурологію, етнографію, соціологію і політологію [6, с. 132-133].

Феномен менталітету – субстанція духовна, котра має давньоісторичне походження і пов'язана із індивідуальними, груповими й суспільними інваріантами поступового розвитку як похідних складових культури народу, його релігії, життєустрою, філософських ідей, освіти, буденності [13, с. 28].

Разом з тим, менталітет – це своєрідна «квінтесенція культури». В ньому фіксуються найістотніші, історично усталені особливості світосприйняття, світовідчуття й світобачення певної людської спільності, глибинні засади індивідуальної і суспільної свідомості, вчинків і поведінки.

Ментальні цінності характеризуються підвищеною стійкістю та інертністю, протидіючи насильницьким деформаціям і форсованим революційно-реформаторським перетворенням, припускаючи тільки еволюційний шлях скільки-небудь істотних й тим більше незворотних змін [2, с. 18]. «Інерція є історичною силою виняткового значення. Менталітети змінюються більш повільно, ніж що-небудь інше, й їхнє вивчення учить, як повільно прямує історія» [8, с. 14].

Французький учений Ле Гофф відзначає, що менталітет подібний до інерційності. Люди, які створюють машини, несуть у собі свідомість ремісників (водії автомобілів недалеко відійшли від тих, хто їздив верхи, а фабриканти XIX ст. сильно нагадують селян, якими були їхні батьки і діди [4, с. 41].

Водночас стабільність менталітету не є абсолютною. Борис Гершунський вважає, що його треба не лише вивчати, а й за певних умов коригувати змінами і перетвореннями. Зокрема, він пропонує реалізувати у повному цільовому, змістовному і методичному обсязі менталеутворювальні функції освіти як щодо окремої особистості, так і соціуму в цілому [13, с. 28].

Отже, менталітет – це не модне поняття, а наукова категорія, яка відбиває визначене явище, що